

Пьянство и правонарушения в Российской империи в период правления Анны Иоанновны

Е. В. Бородина

Для цитирования: *Бородина Е. В.* Пьянство и правонарушения в Российской империи в период правления Анны Иоанновны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. Вып. 3. С. 621–634. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.305>

Статья посвящена изучению внедрения в правоприменительную практику Российской империи 1730-х гг. нормы о признании алкогольного опьянения отягчающим вину обстоятельством при совершении преступления. Эта правовая норма утверждается в военном законодательстве первой четверти XVIII столетия в связи с необходимостью дисциплинировать солдат новой регулярной армии. Знакомство с историографией показало, что на данный момент существует значительное число публикаций, освещающих различные аспекты истории производства, распространения и употребления алкоголя в России в XVI–XIX вв. Кроме того, в трудах ученых имеются разные точки зрения по вопросу применения военных кодексов в практике судопроизводства центральных и региональных органов власти. Тем не менее никто из историков и юристов не пытался разобраться, в какой степени в гражданских судах применялись отдельные нормы военного права. Целью исследования стало выяснить, как в судах общей и специальной юрисдикции происходило решение дел, в которых ответчики обвинялись в совершении правонарушения, будучи в состоянии опьянения. Работа базировалась на архивных источниках конца 1720 — 1730-х гг., возникших в результате деятельности Кунгурской воеводской канцелярии и органов суда и управления Екатеринбурга. Основными задачами анализа являлись определение круга дел, в которых имеются упоминания о пьянстве, и выявление ссылок на законодательные акты, которые были обозначены в выписках по делам либо применялись для вынесения приговоров по таким случаям. В ходе исследования были сделаны выводы о различиях в восприятии степени важности расследования по тому или иному делу, где фигурировало употребление алкогольных напитков. В большинстве случаев они разбирались как дела о бесчестье. Пытка, направленная на установление, был ли правонарушитель пьян в момент совершения преступления, производилась лишь по делам об убийстве в соответствии с пунктами Соборного уложения. Приговор по ним также основывался на нормах Соборного уложения.

Ключевые слова: Российская империя, история права, XVIII в., Соборное уложение, Артикул воинский, судопроизводство, пьянство.

Елена Васильевна Бородина — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Российская Федерация, 620108, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16; <https://orcid.org/0000-0002-8128-5698>, sosnovi-bor@yandex.ru

Elena V. Borodina — PhD (History), Senior Researcher, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 16, ul. Sof'i Kovalevskoy, Ekaterinburg, 620108, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-8128-5698>, sosnovi-bor@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

Drunkness and Offenses in the Russian Empire during the Reign of Anna Ioannovna

E. V. Borodina

For citation: Borodina E. V. Drunkness and Offenses in the Russian Empire during the Reign of Anna Ioannovna. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2024, vol. 69, issue 3, pp. 621–634. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.305> (In Russian)

The article is devoted to the study of the law enforcement practice in Russia in the 1730s with regards to the recognition of alcohol intoxication as an aggravating factor in a crime, which emerged in the military legislation of the first quarter of the 18th century in connection with the need to discipline the soldiers of the regular army. The review of the historiography demonstrates a significant number of monographs and articles covering various aspects of the history of the production, distribution, and consumption of alcohol in Russia. Moreover, there are different points of view on the enforcement of military codes in the legal practice of authorities. However, none of the scholars has attempted to research to what extent norms of military law were enforced in civil courts. The aim of the study was to identify how the courts approached cases in which the accused were charged with committing an offense while intoxicated. The research was based on primary sources of the late 1720s — 1730s from the office of Kungur voivodeship and the court and administration of Ekaterinburg. The author concludes that there were differences in the perception of the degree of importance of a particular case. Mostly they were treated as cases of dishonor. Torture aimed at establishing whether the offender was drunk at the time of the crime was carried out only in cases of murder, in accordance with the provisions of the Council Code. The verdict on them was also based on the norms of the Council Code.

Keywords: Russian Empire, legal history, 18th century, the Council Code, the military regulations, judicial proceedings, drunkenness.

Одной из важных практик, бытовавших в российском обществе Нового времени, являлось употребление алкоголя. Вино¹ и пиво в этот период использовались не только для снятия эмоционального напряжения, но и как средство дезинфекции и борьбы с кишечными инфекциями. Вино также являлось важным объектом налогообложения, государство стремилось держать под контролем его употребление, распространение и продажу. Особенно это касалось отдаленных территорий, где русское население было малочисленным, а природно-климатические условия не благоприятствовали ведению сельского хозяйства в целом и хлебопашеству в частности².

Историография, посвященная данной проблематике, разнообразна и представлена как научно-популярными работами, так и серьезными научными труда-

---

¹ В XVIII столетии вином назывались хмельные напитки, полученные из злаковых культур: хлебное, или простое вино (одна из разновидностей так называемого «горячего вина»), которое являлось основой для производства других алкогольных напитков, и водка — результат его переработки. См.: Семенова Л. Н.: 1) Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая четверть XVIII в. Л., 1982. С. 263–266; 2) Быт и нравы Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998. С. 159; Проница Н. В. Хроники государственной питейной политики в России (XVII — первая половина XIX вв.). Н. Новгород, 2018. С. 19–24, 26.

² Это хорошо видно на примере Сургутского уезда, куда в течение длительного времени хлебное вино доставлялось из других регионов. См.: Протоколы (россыпь) Сургутской воеводской канцелярии // Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 800. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–3; Дело об аресте и об отправлении под конвоем поручика Шкадера и солдата из Горюхова из Сургутской воеводской канцелярии в Сибирскую губернскую // Там же. Д. 20. Л. 1–1 об.

ми. Во многих изданиях история алкоголя рассматривается пунктирно. В них выделяются лишь основные этапы развития политики государства в области питейного дела и дается их краткая характеристика³. Наряду с публикациями такого рода уже во второй половине XIX столетия в качестве самостоятельного направления исследований выделяется история кабаков в России. В них получили рассмотрение процессы создания, функционирования и государственного регулирования деятельности кабаков, кружечных дворов и трактиров XVI–XIX вв.⁴ Кроме того, начинает уделяться внимание истории технологий производства вина и винокурения⁵. Таким образом, на сегодняшний день степень изученности темы представляется достаточно высокой. О востребованности проблематики позволяют говорить как публикация работ, охватывающих разнообразные аспекты государственного регулирования питейного дела в России Нового времени, так и организация конференций, посвященных соответствующей тематике⁶.

История алкоголя в России нередко связывается с проблемой пьянства, что также нашло отражение в разнообразных исследованиях⁷. Часто эта проблематика рассматривается в негативном ключе, когда распитие крепких напитков изучается в связи с ростом алкоголизации и криминализации населения страны⁸. Примечательно, что основное внимание в исследованиях такого рода, как правило, концентрируется на событиях XIX–XX вв. Как можно заметить, история алкоголя в России в них имеет отрицательные коннотации и связывается с современным состоянием общества. Таким образом, при взгляде на проблему с этой точки зрения от нас ускользают конфликтные ситуации и неурядицы, вызванные чрезмерным употреблением алкоголя на более ранних этапах развития российского общества.

В частности, беглый взгляд на историографию вопроса позволяет сделать вывод о том, что исследование питейного дела и трезвеннического движения в России XVIII в. редко связывается с противоречиями, возникающими в локальных сообществах из-за злоупотребления горячительными напитками. Подобные сюжеты лишь время от времени встречаются в работах историков, занимающихся изучением социальной истории России или истории права, и не находят полноценного сравнительно-исторического освещения⁹.

³ Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. С. 259–269; Калинин В. Д. Из истории питейного дела в России (XV — начало XX вв.). М., 1993; Валеев И. И. Алкоголь в России: история и современность. Уфа, 2006.

⁴ Прыжов И. Г. История кабаков в России. М., 2009; Привалова Н. И. Делопроизводство касимовских кабаков и кружечных дворов в XVII веке. Н. Новгород, 2008; Жулин Ю. А. Из истории трактиров России пушкинского времени. Болдино, 2013.

⁵ Кропоткин К. С. Исторический очерк производства охмеляющих напитков. Винокурение по новейшим способам. СПб., 1889.

⁶ Курукин И. В., Никулина Е. А. «Государево кабацкое дело»: Очерки питейной политики и традиций в России. М., 2005; Пронина Н. В. Хроники государственной питейной политики в России; Питейное дело и трезвенническое движение в России с древнейших времен до наших дней. СПб., М., 2021.

⁷ Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. С. 269–271.

⁸ Кульпина Ю. Э. Генезис пьянства и хулиганства в России. М., 2011; Земцов Л. И., Шевченко И. А. Потребление алкоголя и борьба за трезвость в великорусской деревне на рубеже XIX–XX веков. Липецк, 2018; Губенкова Е. В., Королева Е. В., Петрашева О. И. Алкоголизм: криминологический и уголовно-правовой аспекты. Астрахань, 2021.

⁹ Курукин И. В., Никулина Е. А. «Государево кабацкое дело»: Очерки питейной политики и традиций в России. С. 42–48; Долгих Е. В. К истории повседневности: очерк потребления спиртных на-

Так, например, на данный момент существует значительный пласт исследований, где рассматриваются борьба с пьянством и нарушения дисциплины канцелярскими служащими, мастеровыми и работными людьми Екатеринбурга во второй четверти XVIII в.¹⁰ В работах О. Е. Кошелевой и А. Б. Каменского, посвященных Санкт-Петербургу и Бежецку в XVIII в., отмечается, что многие правонарушения происходили в местах большого скопления людей, в том числе в кабаках и пространствах вокруг них¹¹. Схожие идеи содержатся в монографии Е. В. Акельева, посвященной анализу преступной среды Москвы в России 1730–1740-х гг. Он указал, что воры часто жили «на кабаках». Кабак нередко становился местом их сбора и являлся отправной точкой для поиска добычи. Жертвами злоумышленников зачастую оказывались «подгулявшие московские обыватели»¹².

Несмотря на имеющееся единство во мнениях о том, что кабаки и иные точки распития горячительных напитков являлись обычными местами для сговора и совершения правонарушений и иных конфликтов в России XVIII в., авторы, как правило, не задаются вопросом, как отражались в документах суда и следствия случаи, когда правонарушение (конфликтная ситуация) было вызвано чрезмерным употреблением алкоголя. Являлось ли опьянение обстоятельством, отягчающим вину? Грозило ли это правонарушителю более суровым наказанием?

Историки русского права отмечают, что время реформ Петра I внесло корректировки в отношении к этому вопросу. В соответствии с Соборным уложением 1649 г., в России второй половины XVII в. опьянение являлось не отягчающим, а смягчающим вину обстоятельством¹³. Об этом свидетельствуют ст. 69, 71 и 73 гл. 21 законодательного акта¹⁴. В годы правления Петра ситуация изменилась. В военном законодательстве первой четверти XVIII в. (в первую очередь в Артикуле воинском и Морском уставе) алкогольное опьянение оказалось включено в список отягчающих вину обстоятельств¹⁵.

Это решение законотворцев было обусловлено в первую очередь необходимостью регулирования особой сферы правоотношений, связанной с обеспечением

питков в России (конец XV в. — 1936 г.) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2015. № 5/6. С. 19.

¹⁰ Шандра А. В. В. Геннин на Урале: деятельность и мировоззрение: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998; *Корепанов Н. С.*: 1) В раннем Екатеринбурге (1723/1781 гг.). Екатеринбург, 2001; 2) Геннин на Урале. Екатеринбург, 2006.

¹¹ Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004; Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006.

¹² Акельев Е. В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012. С. 250, 292.

¹³ Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи. (XVIII и XIX ст.). СПб., 1909. С. 464; Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 4 / отв. ред. А. Г. Маньков. М., 1986. С. 322.

¹⁴ Соборное уложение 1649 года // Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 278–279.

¹⁵ Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судебных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878. С. 95, 191; Памятники русского права. Вып. 8 / отв. ред. К. А. Софроненко. М., 1961. С. 317; Развитие русского права в России второй половины XVII–XVIII вв. / отв. ред. Е. А. Скрипилин. М., 1992. С. 159; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи: в 2 т. Т. 2. СПб., 2000. С. 23.

дисциплины в военных подразделениях¹⁶. По мнению А. Н. Филиппова, наказание усиливалось в зависимости от состава преступления и длительности нахождения правонарушителя на военной службе¹⁷. Тем не менее эта линия не проводилась в законодательстве последовательно¹⁸. Например, в Артикуле воинском опьянение в случае совершения богохульства (артикул 3) не влияло на изменение размера наказания¹⁹. Драка в пьяном виде также не называлась причиной назначения более высокой меры пресечения (артикул 41)²⁰. Опьянение упоминается в артикулах 3, 8, 11, 12 и т. п.²¹, но только артикул 43 содержит норму о состоянии опьянения как отягчающем вину обстоятельстве: «когда кто пьян напьется, и в пьянстве своем что злаго учинит, тогда тот не токмо, чтоб в том извинением прощение получил, но по вине вящего жестокостию наказан быть имеет»²². Следует отметить, что «это положение сформулировано вне связи с каким-либо составом преступления», что качественно отличает данную норму от всех ранее встречавшихся²³. Схожие нормы содержатся в военно-морском законодательстве²⁴. В частности, содержание артикула 43 Артикула воинского воспроизводится в ст. 31 Морского устава 1720 г.²⁵

В историографии существует дискуссия о том, применялись ли нормы военного законодательства гражданскими органами власти. Наряду с точкой зрения о том, что Петр I не намеревался распространять действие Воинского²⁶ и Морского уставов на все население страны²⁷, в ряде исследований приводятся данные о его активном правоприменении²⁸. Безусловно, Артикул воинский и другие законодательные акты Петровского времени не могли полностью заменить Соборное уложение 1649 г. Нормы военных кодексов и законов действовали параллельно с ним вплоть до 1830-х гг., находя применение в судах общей и специальной юрисдикции

¹⁶ Филиппов А. Н. О наказании по законодательству Петра Великого, в связи с реформой: Историко-юридическое исследование. М., 1891. С. 402, 405. — Примечательно, что в Генеральном регламенте 1720 г. пьянство на рабочем месте рассматривалось как нарушение дисциплины, за которое предполагалось наказание. См.: Генеральный регламент 1720 г. // Памятники русского права. Вып. 8. С. 87.

¹⁷ Филиппов А. Н. О наказании по законодательству Петра Великого. С. 432.

¹⁸ Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. С. 322.

¹⁹ Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи. С. 464.

²⁰ Развитие русского права второй половины XVII–XVIII вв. С. 160.

²¹ Там же.

²² Артикул Воинский // Памятники русского права. Вып. 8. С. 331.

²³ Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. С. 369.

²⁴ Морской устав // Памятники русского права. Вып. 8. С. 487, 488, 497, 498–499, 540.

²⁵ Памятники русского права. Вып. 8. С. 498, 540.

²⁶ Под Воинским уставом здесь понимается кодекс, оформившийся к 1719 г. и включавший собственно Устав воинский 1716 г., Краткое изображение процессов или судебных тяжб 1712 г., Артикул воинский 1714 г. и Войсковой регламент А. Вейде «О эзерциции (или учении), о приготвлении к маршу, о званиях и о должности полковых чинов 1698 г. См.: Krokosz P., Łopatecki K. Adam Wej-de a procesy modernizacyjne armii rosyjskiej na przełomie XVII i XVIII wieku. Białystok, 2021. S. 252–255.

²⁷ Ромашикин П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. С. 26–31; Хрусталева Л. А. Судебно-правовые реформы Петра I: Конец XVII — первая четверть XVIII в.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 82–89; Серов Д. О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. М., 2009. С. 386; Коллманн Н. Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2016. С. 236; Памятники российского права. Вып. 8. С. 437–438.

²⁸ Веретенников В. И. История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910. С. 128; Памятники российского права. Вып. 8. С. 410, 438; Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. С. 318.

в ситуациях, которые не были урегулированы гражданским законодательством²⁹. Последнее обстоятельство позволяет уделить более пристальное внимание характеризующей норме. Следует предположить, что она оказывала влияние на течение гражданских дел и воздействовала на изменение стратегий поведения истцов и ответчиков перед лицом правосудия.

Попробуем разобраться с этим вопросом при помощи анализа судебно-следственных документов 1730-х гг., в то время как материалы конца 1720-х гг. будут иметь вспомогательный характер. В поле нашего зрения попал период после смерти Петра I, так как, на наш взгляд, последствия правовых и административно-судебных преобразований и их влияние на правовые практики, бытовавшие среди населения страны, могли укорениться и развиваться в наибольшей степени лишь спустя несколько лет после смерти первого российского императора. Именно к началу 1730-х гг. подошел к концу период контрреформ второй половины 1720-х гг., в результате которого были упразднены многие органы власти, созданные в конце XVII — первой четверти XVIII в. В 1730-х гг. отступление от ряда начинаний Петра I проявлялось в отмене или корректировке ряда нормативных правовых актов, ущемлявших интересы дворянства, но не коснулось крупных законодательных памятников 1710–1720-х гг., утвердивших принципы функционирования аппарата управления и основы судебно-процессуального производства. В неизменном виде сохранился и ряд других фундаментальных норм, в том числе нормы военно-уголовного и военно-процессуального права.

Исследование проводилось на основе материалов двух органов власти — Кунгурской воеводской канцелярии и Екатеринбургской конторы судных и земских дел. В Кунгурскую воеводскую канцелярию поступали жалобы преимущественно от жителей Кунгурского уезда. Екатеринбургская контора судных и земских дел разбирала дела с территорий, находившихся в составе так называемого Екатеринбургского ведомства. В 1730-х гг. в него входили Екатеринбургский и Катайский дистрикты. Выбор этих административно-территориальных единиц не является случайным. Если складывание Кунгура как административного центра пришлось на середину — вторую половину XVII в.³⁰, то территория Среднего Урала, где был в 1723 г. запущен Екатеринбургский завод, начала более активно осваиваться в первой четверти XVIII в. — период масштабных преобразований и промышленного освоения региона.

К концу 1720-х — началу 1730-х гг. Кунгур представлял собой достаточно развитый торгово-ремесленный город, который был сопоставим с русскими городами в Центральной России³¹. Екатеринбург этого времени являлся центром управления промышленностью Урала и Сибири. Социальная структура завода-крепости определялась наличием здесь крупного производства, которое требовало постоянного проживания в пределах поселения специалистов горно-металлургического дела, а также мастеровых и работных людей. Кроме того, в населенном пункте

²⁹ Каменский А. Б. Любовь, страсть и отчаяние — русские преступления XVIII века. СПб., 2022. С. 34, 90–94.

³⁰ Дмитриев А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. 8. Пермь, 1900. С. 122–127; Чагин Г. Н., Шилов А. В. Уездные провинции Кунгур, Оса, Оханск. Пермь, 2007. С. 10–14.

³¹ История Урала с древнейших времен до 1861 г. / отв. ред. А. А. Преображенский. М., 1989. С. 184; Чагин Г. Н., Шилов А. В. Уездные провинции Кунгур, Оса, Оханск. С. 31–35.

было довольно много рекрутов, трудившихся на фабриках Екатеринбургa, а также ссыльных и каторжных людей. Выбор двух таких различных населенных пунктов обусловлен возможностью сопоставления практик правоприменения, существовавших на каждой из этих территорий.

Администрации Кунгура и Екатеринбургa отличались в области политики по продаже алкоголя. В частности, источники показывают, что в Кунгуре имелось большое число кабаков и стоек — временных мест для продажи вина и пива. Примечательно, что одно из заведений, созданных здесь, даже называлось на западно-европейский манер аустерией (австерией/авштерией)³². Возможно, что за образец для его создания были взяты аустерии в Санкт-Петербурге — одни из первых мест общественного питания в новопостроенном городе³³.

В 1730-х гг. в Кунгуре существовало достаточно широкое казенное винокуренное производство, которое сложилось благодаря развитому сельскому хозяйству. Во второй половине XVII — начале XVIII в. земледелие Кунгурского уезда приобрело товарный характер, что позволило вывозить хлеб на местные рынки³⁴. Наличие сырья создавало все условия не только для производства, но и для потребления хлебного вина. Рост Кунгура как торгового центра способствовал скоплению здесь большого количества людей, одним из способов времяпрепровождения которых были встречи у стоек для разговоров и сделок. Тем не менее в городе и его окрестностях действовали ограничения на продажу алкоголя. В первую очередь они выражались в запрете обменивать вино на одежду и личные вещи «питухов»³⁵.

В Екатеринбургe и его окрестностях доступ к продаже алкогольных напитков также осуществлялся через кабаки, имели место казенная и частная винная продажа³⁶. В отличие от Кунгура, на торговлю вином здесь были наложены серьезные ограничения, которые появились в период основания будущего города. Злоупотребление алкоголем стало одной из больших проблем уже при строительстве Екатеринбургских завода и крепости³⁷. Тяжелый, монотонный труд, продолжавшийся по 13–15 часов в сутки, требовал разрядки, получавшей выход при распитии веселящих напитков³⁸. Именно поэтому в 1724 г. В. де Геннин — руководитель горнозаводским ведомством в 1723–1734 гг. — приказал поставить к дверям кабаков караульных и установил часы винной продажи с 8 часов утра до 12 пополудни. В 1726 г. торговля вином разрешалась лишь в воскресные и праздничные дни, вводились ограничения по продаже алкогольной продукции на одного человека³⁹.

В конце 1731 г. В. де Геннин запретил заводить кабаки ближе, чем в 10 верстах от рудников и в 20 верстах — от заводов. По указу от 26 ноября 1732 г. предписы-

³² Гражданские дела Кунгурской воеводской канцелярии. 1730 г. // РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 23. Л. 356; Разные дела. 1725 г. // РГАДА. Ф. 741. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

³³ Анисимов Е. В. Юный град. Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003. С. 186–187, 209.

³⁴ История Урала с древнейших времен до 1861 г. С. 183.

³⁵ Уголовные дела Кунгурской воеводской канцелярии. 1730 г. // РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 24. Л. 117–117 об., 119.

³⁶ Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбургe (1723/1781 гг.). С. 45; Протоколы заседаний конторы. 1740 г. // ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 40. Л. 267 об. — 268 об.

³⁷ Корепанов Н. С. Геннин на Урале. С. 47–48.

³⁸ Пензин Э. А. Сибирский обер-бергamt — орган управления горнозаводской промышленностью Урала в первой половине XVIII в. // Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: История, историография, источниковедение. Свердловск, 1986. С. 118.

³⁹ Шандра А. В. Геннин на Урале. С. 142–143.

валось «продажу производить в торжественные и воскресные дни, когда работы не бывает, и то после обедни в летние дни до седьмого, а в зимние до пятого часа пополудни. В чарки и кружки на деньги и в долг или закладом отнюдь не давать и никакого закладу не принимать. А кому надлежит взять для какого-либо случая ведрами, полуведрами и четвертями, таким давать билет от заводского правления по рассмотрению, притом же смотреть накрепко, что не токмо шинков не было, но и будучи над теми местами командиры под видом поклона вином за деньги не поили под жесточайшим штрафом. Буде же кто в запрещенные дни явится пьяный, таких наказывать на теле или другим штрафом по желанию и притом спрашивать, у кого пил. И потому удобную осторожность хотя б и показали шинки и иметь можно, и Сибирскому обер-бергамту чинить о том по Ея Императорского Величества указу»⁴⁰. Несмотря на строгие запреты, на территории завода-крепости продолжали функционировать нелегальные питейные дома и шинки⁴¹. Незаконное производство и распространение алкоголя преследовались в соответствии с нормами Соборного уложения 1649 г.⁴²

Нами были проанализированы документы суда и следствия, отложившиеся в результате деятельности Кунгурской воеводской канцелярии в 1726–1737 гг. В этой группе источников первоочередное внимание было уделено материалам за 1728–1737 гг.⁴³, так как именно в 1728 г. была обнаружена типовая Инструкция губернаторам и воеводам, которой было отмечено завершение областной контрреформы второй половины 1720-х гг. В 35 из 342 судебных дел, разбиравшихся в воеводской канцелярии Кунгура в течение 1728–1737 гг., упоминаются случаи употребления алкоголя (10%). Они неравномерно распределены по годам рассматриваемого периода. Наибольшее количество случаев, где было зафиксировано употребление горячительных напитков, приходится на 1732 (9) и 1737 (8) гг. Наименьшее относится к 1730 (2), 1731 (1) и 1737 (1) гг. За 1729 г. дел соответствующего содержания не сохранилось. В 1733 и 1736 гг. было разобрано три и шесть дел соответственно. Еще три случая относятся к 1726 (2) и 1727 (1) гг.⁴⁴ Они будут включены в общую статистику, но не могут дать более или менее полную картину, так как материалы за этот период представлены отрывочно, с большим количеством лакун, чем в последующее десятилетие.

Рассмотрим, каковы были места и содержание выявленных конфликтов. Наибольшее количество из проанализированных ситуаций (16) имело место в гостях, «у питья пива» (15) и «у питья вина» (1). Еще несколько случаев произошли в винокурне (1), в доме у целовальника (4), а также у кабака (4), в кабаке (6) и у стойки в кабаке (2). Примечательно, что значительная часть случаев имела место при распитии слабых алкогольных напитков «в гостях» (15). Но число ситуаций, имевших место

⁴⁰ Указы Е. И. В. Коммерц-коллегии, генерал-лейтенанта от артиллерии де Геннина, промемории из Тобольской губернской канцелярии, полученные в Сибирском обер-бергамте // Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). Ф. 24. Оп. 12. Д. 37. Л. 572.

⁴¹ *Корепанов Н. С.* В раннем Екатеринбурге (1723–1781 гг.). С. 45, 171.

⁴² Протоколы заседаний конторы. 1738 г. // ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 34. Л. 159–160; Протоколы заседаний конторы. 1740 г. // Там же. Д. 40. Л. 111 об.

⁴³ Гражданские и уголовные дела Кунгурской воеводской канцелярии // РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 19–27, 31, 36, 40, 42, 49.

⁴⁴ Дело по обвинению с. Сретенского Новожилова «в порче» крестьянина того же села Чарынцева // РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–22; Дело об избивении // РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–4 об.; Гражданские дела Кунгурской воеводской канцелярии. 1737 г. // Там же. Д. 49. Л. 422–422 об.

в кабаке или неподалеку от него, также велико (16). Это может свидетельствовать в пользу того, что в отсутствии жестких запретов конфликты могли происходить в совершенно разных местах и при различных обстоятельствах. Тем не менее стоит отметить, что распитие пива в кругу знакомых или малознакомых людей было схоже с употреблением хлебного вина в кабаке. Скупые упоминания таких ситуаций в источниках не позволяют понять, угощал ли хозяин пришедших к нему в дом за свой счет или брал за это деньги.

Распитие алкоголя часто приводило к дракам и оскорблениям участников пирушек. 11 дел из 38 были возбуждены из-за «битья», 5 являлись следствием «брани», а 6 дел связаны с «боем» и бесчестьем. Например, в декабре 1731 г. крестьянин Покровского острожка Кунгурского уезда Петр Новоселов пришел к Евдокиму Гладких «для питья пива», но оказался избит дубиной «неведомо для чего». При этом хозяин «говорил, что де убью до смерти и сволоку в пролубь»⁴⁵. 2 января 1732 г. татарин Акманай Карлин был «в доме по зову татарина Шаквинской четверти деревни Тохтамышевы Асаита Доскаева для питья пива». Сюда же пришла его теща Зюмила Кошаева, которая бранила его «всякою неподобною бранью». Спустя некоторое время татарина избили «неведомо за что», из-за чего он оказался изувечен и обесчещен⁴⁶. 18 февраля 1732 г. крестьянин из деревни Колпашниковой, находившейся в составе Степановского острожка, Федор Кузвесов был в кабаке «для питья вина», где его избили крестьяне той же деревни: «били по лесем, и по шекам, и по голове, тако ж и топтали насмерть неведомо за что, и прошыбли левую щоку, и на глазу бровь и тем окровенили»⁴⁷.

В пьяном угаре у участников попойки также могли вырываться «похвальные слова» (два случая). Так, в 1728 г. в Кунгурскую воеводскую канцелярию было подано явочное челобитье на посадского человека Артемия Зайцева «в похвальных словах, что хочет круг кабака соломою обволечь и кабак сжечь»⁴⁸. Крестьянин Покровского острожка Кунгурского уезда Евдоким Гладких в апреле 1731 г. грозился, что сожжет дом крестьянина Петра Новоселова⁴⁹.

Несмотря на физические увечья и моральные травмы, которые могли получить пострадавшие в ходе драки и ссоры, многие дела такого рода завершалось мировой челобитной⁵⁰. Истцу в большинстве случаев было достаточно жалобы в органы власти, а победа в судебном процессе не являлась целью составления челобитной. В редких случаях мировая челобитная писалась спустя несколько недель после возбуждения дела. В частности, ссора между крестьянами Покровского острожка Петра Новоселова и Евдокима Гладких началась по челобитной П. Новоселова от 8 января 1732 г. и была завершена подачей мировой челобитной лишь 29 января 1732 г. За это время была организована доставка ответчика в Кунгурскую воеводскую канцелярию, а также произведены допросы тяжущихся сторон и свидетелей⁵¹.

⁴⁵ Гражданские дела Кунгурской воеводской канцелярии. 1732 г. // РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 27. Л. 4.

⁴⁶ Там же. Л. 30.

⁴⁷ Там же. Л. 14–14 об.

⁴⁸ Гражданские дела Кунгурской воеводской канцелярии. 1728 г. // РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 21. Л. 21 об.

⁴⁹ Гражданские дела Кунгурской воеводской канцелярии. 1732 г. // Там же. Д. 27. Л. 4.

⁵⁰ Там же. Л. 12–12 об., 31–31 об., 210–210 об., 214–214 об., 297–297 об., 438–438 об.; Гражданские дела Кунгурской воеводской канцелярии. 1733 г. // РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 31. Л. 104–104 об.

⁵¹ Гражданские дела Кунгурской воеводской канцелярии. 1732 г. // РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 27. Л. 4–12 об.

Нередкими были и расправы с подозреваемыми в порче и «наслании икотной болезни» (два случая), а также с не расплатившимися по обязательствам должниками (одна ситуация)⁵². Как и в других городах, подвыпившие кунгурцы и жители уезда могли стать жертвами воров и грабителей. В 7 случаях из 38 грабеж происходил без большого урона для жизни и здоровья жертвы. В двух ситуациях пострадавшие были избиты и ограблены. В одном случае грабеж закончился летальным исходом⁵³.

4 февраля 1732 г. в Кунгурскую воеводскую канцелярию был приведен «пришлый иногородний человек» Федор Мартемьянов, обвинявшийся в краже в «заиренском» кабаке, принадлежавшем купецкому человеку Михаилу Турчанинову⁵⁴. Согласно извету жены целовальника Лариона Колашникова, Ф. Мартемьянов с товарищем ограбили двух башкир Уфимского уезда, вытащив у них из карманов деньги и пр. В феврале 1732 г. в Кунгурскую воеводскую канцелярию обратилась жительница села Предтеченского вдова Анна Греховых. Она жаловалась на жителя села Покровского Ясылу Николу Чистякова и целовальника винной продажи из села Тихоновского Семена Южакова, которые «з головы фату шелкову сорвали и изодрали». Кроме того, целовальник С. Южаков «неведомо за что снял шубу баранью да денег двадцать алтын и бранил всякою неподобною матерною бранью и называл курвою»⁵⁵. 17 февраля 1732 г. татарин Верх-Иренской четверти деревни Мишиной Токмай Баргузин пришел в дом к винному чумаку Денису Климовских. Он купил вино на одну копейку и был избит чумаком, его братом и приставом, которые взяли «грабежем денег в кожаном кошельке пять рублей семь копеек, да коробейной ключ, да кафтан сермяжной ценой сорок пять копеек, шапку ценой двадцать копеек, опояску красную с ножом да с щилом ценой четырнатцать копеек»⁵⁶.

Примечательно, что дела в грабеже и побоях часто квалифицировались как дела о бесчестье, что могло обеспечить их скорое завершение мировой челобитной. В челобитной уже упоминавшегося татарина Т. Баргузина отмечалось, что его «грабежем обезчестили»⁵⁷. Данное дело не закончилось мировой. После длительных допросов и изучения ответов тяжущихся и свидетелей воевода вынес приговор: «истца оправить», а ответчиков обвинить⁵⁸. При определении кары были сделаны ссылки на ст. 19, 94 и 136 гл. 10 Соборного уложения 1649 г. Наказание было определено за увечье и бесчестье. Таким образом, дело не рассматривалось как уголовное, при определении меры наказания состояние алкогольного опьянения истца или ответчиков не было принято во внимание.

Схожие формулировки при квалификации дела о битье и грабеже в пьяном виде имеются в других челобитных. Например, 28 февраля 1732 г. крестьянин Ильинского острожка Илья Шуганин жаловался на крестьянина Евсея Котельникова, который отобрал 56 копеек и две бараньи шубы стоимостью 60 копеек. В че-

⁵² Дело по обвинению с. Сретенского Новожилова «в порче» крестьянина того же села Чарынцева // РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–22; Уголовные дела Кунгурской воеводской канцелярии. 1731 г. // Там же. Д. 26. Л. 30–35; Гражданские дела Кунгурской воеводской канцелярии. 1736 г. // Там же. Д. 42. Л. 297–297 об.

⁵³ Дело об убийствах и кражах // Там же. Д. 45. Л. 24 об., 26 об.

⁵⁴ Гражданские дела Кунгурской воеводской канцелярии. 1732 г. // Там же. Д. 27. Л. 161.

⁵⁵ Там же. Л. 209.

⁵⁶ Гражданские дела Кунгурской воеводской канцелярии. 1733 г. // Там же. Д. 31. Л. 112.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. Л. 144–144 об.

лобитной И. Шуганина было отмечено, что Е. Котельников «при том грабеже меня раба вашего, збив с ног, топтал ногами и переломил левую руку в завите и из плеча выставил, и тем грабежем меня раба вашего обезчестил и боем изувечил»⁵⁹. В отличие от предыдущего случая, дело было закрыто подачей мировой челобитной 1 марта 1732 г.⁶⁰ Подобным образом квалифицировались и завершились некоторые другие дела⁶¹.

Изучение судебно-следственных материалов Кунгурской воеводской канцелярии позволяет понять, что случаи алкогольного опьянения практически не упоминаются в делах, которые можно было бы квалифицировать как уголовные. Лишь в одном деле содержатся сведения о том, что правонарушитель совершил убийство не с умысла, а потому что был пьян. Возможно, это признание являлось одним из способов смягчить наказание, что соответствовало нормам Соборного уложения. Другое правонарушение преступника было не менее серьезным — кража мирских денег⁶². Несмотря на признание вины, обвиняемого требовалось пытаться для выяснения, участвовал ли он в других злодеяниях. В документах отсутствуют явные ссылки, которые бы свидетельствовали о применении Соборного уложения или Артикула воинского. В то же время можно понять, что решение Кунгурской воеводской канцелярии опиралось на статьи Соборного уложения 1649 г.

В судебно-следственных материалах Екатеринбурга пьянство чаще рассматривалось как дисциплинарный проступок, наказание за который назначалось в соответствии с Генеральным регламентом 1720 г. и локальными нормативными актами⁶³. В редких случаях злоупотребление алкоголем встречается в связи с совершением более серьезных правонарушений. Тем не менее судебная практика Сибирского обер-бергамта — органа горнозаводского управления на Урале и в Сибири в 1723–1734 гг. — показывает, что убийство, совершенное «во пьянстве», наказывалось битьем кнутом, после чего обвиняемый освобождался на поруки «с записью, чтоб ему впредь так не делать»⁶⁴.

Сходным образом действовала Екатеринбургская контора судных и земских дел, с 1735 г. занимавшаяся отправлением правосудия на территориях, находившихся под управлением горнозаводского ведомства. Изучение ее документов показало, что выяснение ответа на вопрос, был ли обвиняемый пьян в момент совершения тяжкого преступления, являлось обязательной частью судопроизводства. В протоколе заседаний присутствия Конторы судных и земских дел от 23 января 1739 г. «на дело о смертном убийстве Новопышминской слободы крестьянина Ивана Свинына крестьянином Анофрием Перекрасовым» постановлялось допросить свидетелей, действительно ли А. Перекрасов в момент совершения убийства был пьян и не имелось ли в это время между жертвой и убийцей ссоры⁶⁵. Решение ор-

⁵⁹ Гражданские дела Кунгурской воеводской канцелярии. 1736 г. // РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 42. Л. 95.

⁶⁰ Там же. Л. 96–96 об.

⁶¹ Там же. Л. 137–138 об.

⁶² Дело об убийствах и кражах // РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 45. Л. 24–26 об.

⁶³ Протоколы заседаний конторы. 1738 г. // ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 34. Л. 118–118 об., 201–201 об.; Протоколы заседаний конторы. 1739 г. // Там же. Д. 40. Л. 270; Протоколы заседаний конторы. 1740 г. // ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 44. Л. 83.

⁶⁴ Судные дела. 1730–1732 гг. // ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 301. Л. 59–59 об., 71–71 об.

⁶⁵ Протоколы заседаний конторы. 1740 г. // ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 40. Л. 74.

гана власти опиралось на п. 69, 71 и 72 гл. 21 Соборного уложения 1649 г. Члены присутствия приказали «пытать и при том спрашивать, не с умыслу или по какой злобе убил, также и в других воровствах, разбоях и смертноубийствах и не бывал, и то дело следовать».

Подобные решения можно найти и при анализе других дел⁶⁶. Как правило, при их рассмотрении делались ссылки на п. 69, 71 и 73 Соборного уложения 1649 г. 25 февраля 1738 г. в присутствии Екатеринбургской конторы судных и земских дел изучались материалы об убийстве мельника Богоявленского Спасского монастыря Захара Мишарина, совершенном в декабре 1737 г. крестьянами Новоышминской и Калиновской слобод Ипатом Трубиным и Евтифеем Казанцевым. Преступление произошло в период рождественских гуляний, в большой компании, собравшейся «для питья пива». Словесная схватка переросла в драку, в которой использовались палки и поленья. З. Мишарин жил с пробитой головой еще около суток, а затем скончался. Екатеринбургская контора судных и земских дел приказала пытать убийцу. Основанием для принятия решения была норма, содержащаяся в п. 69 гл. 21 Соборного уложения. Примечательно, что в протоколе пункт был приведен в усеченном виде: «где в городех, в селех и деревнях учинится убийство смертное, и того убойца пытати, которым обычаем то учинилось: умышлением или пьяным делом, и скажет, что убил не умышлением, в драке пьяным делом, и того убойцу бить кнутом и дати на чистую поруку з записью»⁶⁷. Делопроизводители опустили часть статьи, которая уже не соответствовала духу времени.

Следует обратить внимание, что в протоколах более тщательно прописывались решения при судебном производстве по обвинению в убийстве. В случаях судопроизводства по другим преступлениям (в первую очередь — при воровстве в особенно крупных размерах и разбое) обычно указывалось на необходимость пытать подозреваемого три раза⁶⁸. Нормы Артикула воинского ни в одной из рассмотренных ситуаций не применялись.

Изучение судебно-следственной документации Кунгура и Екатеринбурга показало, что алкогольное опьянение чаще всего упоминается в делах о бесчестье, которые могли также сопровождаться «боем» и «грабежом». В редких случаях оно отмечается в делах об убийстве и совсем не фигурирует при рассмотрении других тяжких правонарушений. Несмотря на применение некоторых норм военного законодательства в судопроизводстве региональных органов власти, употребление алкоголя не стало отягчающим вину обстоятельством при совершении преступления лицами, не являвшимися военными служащими. При принятии решения судьи руководствовались статьями Соборного уложения 1649 г., в которых содержалась норма о смягчении наказания тем, кто преступил закон, будучи в нетрезвом виде. Судебная практика свидетельствует об избирательном применении статей Артикула воинского и Морского устава, к которым обращались лишь при отсутствии норм, необходимых для урегулирования правовых ситуаций, в Соборном уложении, новоуказных статьях второй половины XVII в. и законодательных актах первой трети XVIII в.

⁶⁶ Протоколы заседаний конторы. 1738 г. // ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 34. Л. 87; Протоколы заседаний конторы. 1740 г. // Там же. Д. 44. Л. 49–53.

⁶⁷ Протоколы заседаний конторы. 1738 г. // Там же. Д. 34. Л. 76–77.

⁶⁸ Протоколы заседаний конторы. 1740 г. // Там же. Д. 44. Л. 61 об., 148, 246.

Около трети рассмотренных случаев начинались как межличностные конфликты, разгоревшиеся под влиянием употребления алкогольных напитков. В подавляющем большинстве они завершились мировым соглашением. В то же время часть из них зашла намного дальше, превратилась в дела об убийстве, которые рассматривались на основе норм 21-й главы Соборного уложения. Примечательно, что тяжелые увечья и материальные потери не являлись основанием для квалификации ситуации как уголовного правонарушения. Это свидетельствует об устойчивости представления о конфликтах в кабаках и в гостях «у питья пива» как столкновений, вредящих преимущественно чести пострадавших. Последнее позволяло относить их к сфере частноправовых отношений, где органы государственной власти могли выступать лишь арбитрами в спорах и не брали на себя роли обвинителей и преследователей. Таким образом, правовые нововведения эпохи Петра Великого не смогли полностью заменить все судебные практики второй половины XVII в. Процесс замещения старых, «традиционных» норм и взглядов на правосудие новыми, европейски ориентированными основаниями судопроизводства не был скорым. В некоторых сферах правоотношений он протекал медленнее, чем в тех, что оказались подвержены активной трансформации. Это хорошо видно на примере деятельности горнозаводских структур Екатеринбурга, где пьянство канцелярских служащих и мастеровых и рабочих людей на рабочих местах начинает рассматриваться как дисциплинарный проступок, за который в обязательном порядке должно последовать наказание. Частная жизнь подданных интересовала государство меньше, чем поддержание производственной дисциплины на активно модернизирующихся казенных предприятиях, в армейских частях и канцеляриях органов власти.

References

- Akelev E. V. *Povsednevnaia zhizn' vorovskogo mira Moskvy vo vremena Van'ki Kaina*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2012, 412 p. (In Russian)
- Anisimov E. V. *Iunyi grad. Peterburg vremen Petra Velikogo*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003, 363 p. (In Russian)
- Chagin G. N., Shilov A. V. *Uezdnye provintsii Kungur, Osa, Okhansk*. Perm, Knizhnyi mir Publ., 2007, 406 p. (In Russian)
- Dmitriev A. *Permskaia starina. Sbornik istoricheskikh statei i materialov preimushchestvenno o Permskom krae*, issue 8. Perm, Tipografiia P. F. Kamenskago Publ., 1900, 181 p. (In Russian)
- Dolgikh E. V. K istorii povsednevnosti: ocherk potrebleniia spirtnykh napitkov v Rossii (konets XV v. — 1936 g.). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 8. Istoriiia*, 2015, no. 5/6, pp. 14–63. (In Russian)
- Filippov A. N. *O nakazanii po zakonodatel'stvu Petra Velikogo, v sviazi s reformoiu: Istoriko-iuridicheskoe issledovanie*. Moscow, Moscow University Press, 1891, 460 p. (In Russian)
- Gubenkova E. V., Koroleva E. V., Petrasheva O. I. *Alkogolizm: kriminologicheskii i ugovolno-pravovoi aspekty*. Astrakhan, Tipografiia Sorokina R. V. Publ., 2021, 142 p. (In Russian)
- Istoriiia Urala s drevneishikh vremen do 1861 g.*, ed. by A. A. Preobrazhenskii. Moscow, Nauka Publ., 1989, 608 p. (In Russian)
- Kalinin V. D. *Iz istorii piteinogo dela v Rossii (XV — nachalo XX vv.)*. Moscow, [s. n.], 1993, 47 p. (In Russian)
- Kamenskii A. B. *Liubov', strast' i otchaianie — russkie prestupleniia XVIII veka*. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2022, 406 p. (In Russian)
- Kamenskii A. B. *Povsednevnost' russkikh gorodskikh obyvatel'ei: Istoricheskie anekdoty iz provintsial'noi zhizni XVIII veka*. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Press, 2006, 403 p. (In Russian)
- Khrustalev L. A. *Sudebno-pravovye reformy Petra I: Konets XVII — pervaiia chetvert' XVIII v.* Moscow, [s. n.], 2003, 233 p. (In Russian)

- Kollmann N. Sh. *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016, 610 p. (In Russian)
- Korepanov N. S. *Gennin na Urale*. Ekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii Publ., 2006, 279 p. (In Russian)
- Korepanov N. S. *V rannem Ekaterinburge. (1723–1781 gg.)*. Ekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii Publ., 2001, 252 p. (In Russian)
- Kosheleva O. E. *Liudi Sankt-Peterburgskogo ostrova Petrovskogo vremeni*. Moscow, OGI Publ., 2004, 487 p. (In Russian)
- Krokosz P., Łopatecki K. *Adam Wejde a procesy modernizacyjne armii rosyjskiej na przełomie XVII i XVIII wieku*. Białystok, Uniwersytet w Białymstoku Press, 2021, 408 p.
- Kropotkin K. S. *Istoricheskii ocherk proizvodstva okhmeliaiushchikh napitkov. Vinokurenje po noveishim sposobam*. St. Petersburg, Tipografiia Iablonskogo i Perrot Publ., 1889, 585 p. (In Russian)
- Kul'pina Iu. E. *Genezis p'ianstva i khuliganstva v Rossii*. Moscow, URSS Publ., 2011, 158 p. (In Russian)
- Kurukin I. V., Nikulina E. A. *“Gosudarevo kabatskoe delo”: Ocherki piteinoi politiki i traditsii v Rossii*. Moscow, AST Publ., 2005, 383 p. (In Russian)
- Latkin V. N. *Uchebnik istorii russkogo prava perioda imperii. (XVIII i XIX st.)*. St. Petersburg, Montvida Publ., 1909, 654 p. (In Russian)
- Mironov B. N. *Sotsial'naiia istoriia Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.)*, vol. 2. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2000, 567 p. (In Russian)
- Penzin E. A. *Sibirskii ober-bergamt — organ upravleniia gornozavodskoi promyshlennost'iu Urala v pervoi polovine XVIII v. Problemy genezisa i razvitiia kapitalizma na Urale: Istoriia, istoriografiia, istochnikovedenie*. Sverdlovsk, Ural'skii gosudarstvennyi universitet Press, 1986, pp. 104–121. (In Russian)
- Piteinoe delo i trezvennicheskoe dvizhenie v Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei*, ed. and comp. by A. A. Razdorskii. St. Petersburg; Moscow, Staraiia Basmanaia Publ., 2021, 735 p. (In Russian)
- Privalova N. I. *Delo proizvodstvo kasimovskikh kabakov i kruzhechnykh dvorov v XVII veke*. Nizhny Novgorod, Nizhnyi Novgorod University Press, 2008, 112 p. (In Russian)
- Pronina N. V. *Khroniki gosudarstvennoi piteinoi politiki v Rossii (XVII — pervaiia polovina XIX vv.)*. Nizhny Novgorod, Dekom Publ., 2018, 399 p. (In Russian)
- Pryzhov I. G. *Istoriia kabakov v Rossii*. Moscow, Eksmo Publ., 2009, 351 p. (In Russian)
- Razvitie russkogo prava v Rossii vtoroi poloviny XVII–XVIII vv.*, ed. by E. A. Skripilev. Moscow, Nauka Publ., 1992, 312 p. (In Russian)
- Romashkin P. S. *Osnovnye nachala ugolovno i voenno-ugolovno zakonodatel'stva Petra I*. Moscow, RIO VKA Publ., 1947, 96 p. (In Russian)
- Rozengeim M. P. *Ocherk istorii voenno-sudebnykh uchrezhdenii v Rossii do konchiny Petra Velikogo*. St. Petersburg, Tipografiia M. Ettingera Publ., 1878, 387 p. (In Russian)
- Semenova L. N. *Byt i naselenie Sankt-Peterburga (XVIII vek)*. St. Petersburg, Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr “BLITS” Publ., 1998, 228 p. (In Russian)
- Semenova L. N. *Ocherki istorii byta i kul'turnoi zhizni Rossii. Pervaiia polovina XVIII v.* Leningrad, Nauka Publ., 1982, 279 p. (In Russian)
- Serov D. O. *Sudebnaia reforma Petra I: Istoriko-pravovoe issledovanie*. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2009, 487 p. (In Russian)
- Shandra A. V. *V. I. Gennin na Urale: deiatel'nost' i mirovozzrenie*. PhD thesis (History). Ekaterinburg, [s. n.], 1998, 293 p. (In Russian)
- Valeev I. I. *Alkohol' v Rossii: istoriia i sovremennost'*. Ufa, Informreklama Publ., 2006, 195 p. (In Russian)
- Veretennikov V. I. *Istoriia Tainoi kantseliarii Petrovskogo vremeni*. Kharkiv, Pechatnoe delo Publ., 1910, 314 p. (In Russian)
- Zemtsov L. I., Shevchenko I. A. *Potreblenie alkogolia i bor'ba za trezvosť v velikorusskoi derevne na rubezhe XIX–XX vekov*. Lipetsk, Lipetskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni P. P. Semanova-Tian'-Shanskogo Press, 2018, 169 p. (In Russian)
- Zhulin Iu. A. *Iz istorii traktirov Rossii pushkinskogo vremeni*. Boldino, [s. n.], 2013, 119 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 12 июня 2023 г.

Рекомендована к печати 10 апреля 2024 г.

Received: June 12, 2023

Accepted: April 10, 2024